

Еще о походѣ противъ М. Горькаго.

Въ *Од. Нов. г.* Скриба рѣзко осуждаетъ петербургскихъ критиковъ пьесы М. Горькаго „На днѣ“.

„Хамы уже въ восторгѣ. Они суетливо перебѣгаютъ отъ одной группы къ другой, передаютъ слова самого М—го, который не одобрилъ „На днѣ“, особенно подчеркиваютъ газетный слухъ и газетную шлетню о трехсотъ тысячномъ имѣніи, которое прибрѣлъ Горькій, и устраиваютъ вообще какую то аферу...“

И потомъ... Неужели вы думаете, что люди охотно мирятся съ литературнымъ цезаризмомъ Горькаго?.. Вѣдь такого успѣха, такой быстрой, красивой славы Россія не видала еще... О, конечно! Для многихъ она непереварима, для многихъ почтеннѣйшихъ людей, среди которыхъ, разумѣется, есть не мало... ну, не почтенныхъ людей, что ли...

Другой пишетъ сто лѣтъ, издалъ уже 200 томовъ, справилъ 40 юбилеевъ, а все еще о немъ спрашиваютъ: „Это какой собственно —а?“...

Обидно! Люди не знаютъ, не хотятъ знать тебя и чтобы не очутиться въ дурацкомъ положеніи, надо имѣть удостовѣреніе, что такой-то вотъ „писалъ и пишетъ“...

А тутъ... Тутъ сразу загорѣлась на небѣ величавая звѣзда, новое солнце взошло на горизонтѣ и фонари теперь такіе блѣдныя, невужныя, тусклыя...

...Какъ все это трудно и непріятно высказывать, но право въ той веселой торопливости, съ какой подписывается приговоръ Горькому—ничего величественнаго я не вижу.

Напр.: „Горькій, конечно, талантливый беллетристъ, но слишкомъ узокъ для того широкаго общественнаго значенія, которое готовы въ немъ видѣть экзальтированныя головы... Многие сознаютъ уже давно, что „Горькій кончается“, что пройдетъ три—четыре года и имя его сойдетъ со сцены“!

Это слова П. И. Вейнберга.

По своему возрасту г. Вейнбергъ имѣетъ полное право не понимать Горькаго. Но говорить о молодомъ писателѣ, которому нѣтъ еще и 34 лѣтъ, что имя его черезъ 2—3 года сойдетъ со сцены не деликатно, неумно, „невеличественно“...

То же я могъ бы сказать и г. Минскому.

Конечно, оба они, и г. Минскій и г. Вейнбергъ—почтенные люди. Завидовать Горькому имъ, конечно, нечего, потому что по меньшей мѣрѣ,—эта зависть бесполезна, но отъ такихъ почтенныхъ людей желательнее побольше сдержанности. И нечего торопиться раскрывать душу передъ первымъ, „сдѣлавшимъ честь забѣжать“, репортеромъ.

Восторги Москвы и заграницы—это фактъ. Нѣсколько растерянная игра москвичей—тоже фактъ. Пьеса мнѣ кажется скорѣе философскою, чѣмъ сценичною. Какъ бы то ни было—это лучшая пьеса сезона и послѣ нея опять на душѣ ощущение, что стыдно и совѣстно жить, когда такое вотъ „дно“, когда подъ надстройкой нашего культурнаго благополучія трещать человѣческія кости...

Свалить Горькаго, развѣнчать Горькаго—это „надо подождать“. Это можно будетъ сдѣлать не раньше, какъ если онъ скажетъ на весь міръ: „вѣрую въ могучій и прекрасный капиталистическій строй, вѣрую въ акціи и облигаціи, овкольныя счета, биржу и купоны, признаю свое „дно“ неизбѣжнымъ дополненіемъ нашей жизни, мирюсь съ нимъ во славу культуры, ренты и наживы“... Но этого „вы“ отъ него не дождетесь...

А что хамство разошлось, и при первомъ же признакѣ неудачъ, вспомнило свое излюбленное: „вчера былъ Яковъ, сегодня Сидоръ... Въ ухо Якову, въ ноги Сидору“—такъ что же тутъ удивительнаго?...